

В 2000-е гг. Россия разбогатела, даже возник средний класс, который нашел вкус в потреблении. Сладкая жизнь влечет, она даже стала новой нормой. Напротив, способность и желание народа упорно трудиться, инвестировать, заниматься инновациями и вообще предпринимательством, кажется, оказались парализованными. Неподкупная и обеспечивающая безопасность бюрократическая логика и непредвзятое судопроизводство также не укоренились. Эти симптомы пытаются излечить спускаемыми «сверху» проектами. Высшая воля также проповедует борьбу с коррупцией и говорит о правовом государстве и многих других добрых начинаниях, как и оппозиция. Складывается впечатление, что государственное руководство не может управлять страной, но власть поддерживает те сети, которые беззастенчиво растаскивают ресурсы страны.

По мнению известного знатока сталинского времени Арч Гетти, Сталин в 1930-е гг. был в сходной ситуации, в плену у «семейственности» и двурушничества местных наместников и решил дело по-своему. Неудивительно, что оценка Сталина как величайшего менеджера и модернизатора в последнее время на слуху. Появилась книга, в которой требуется чистка в духе 1930-х гг., разумеется, бескровная.

Руководство, кажется, остановилось и вместо реформы занимается демагогией, с помощью которой пытается замести под ковер или же криминализировать критику. Последняя вгрызается в суть проблем и использует сильные выражения о «рабстве» или в целом о традиционной особенности России в сравнении с Западом — ее склонности загонять себя в тупик, выход из которого мыслим только радикальными средствами.

Сейчас время застоя? Довольно значительный рост экономики, кажется, не дает повода утверждать это, но ситуация не лучше ситуации начала 1980-х гг. Дефицит инвестиций и накопление социальных проблем дают о себе знать, поскольку причуды мировой экономики отягощают их; быть может, создается ситуация, в которой большинство уже не хочет, а меньшинство не может продолжать все по-прежнему.

Снова возврат Карелии?

Как известно, в 2012 г. прошло двести лет со времени возвращения Карелии. Когда в 1809 г. Финляндия была присоединена к империи, ее стратегическая граница переместилась на Ботнику и Аланды.

Передвинутая по мирным договорам 1721 и 1743 гг. граница Финляндии в 1812 г. снова была возвращена на линию Раяйоки (река Сестра), т. е. почти под бок Петербурга. Операция имела для Финляндии огромное значение и ее считали новым свидетельством невероятного благородства императора Александра I по отношению к своим новым финским подданным. Однако она совершенно безболезненной не была, т. к. в светских кругах Петербурга имелось немало тех, кто пострадал от этого, хотя перенесение границы не связывалось ни с каким перемещением населения. Возвращение Старой Финляндии в России критиковалось до приобретения Финляндией независимости, и на пороге Первой мировой войны решили снова присоединить обратно к России те приграничные волости на Перешейке, на территории которых петербуржцы приобрели себе дачи. С точки зрения военно-стратегической это не имело сколько-нибудь существенного значения, т. к. на стороне Великого княжества был выстроен мощный форт Ино и еще более мощная морская крепость Петра Великого, закрывавшая вход в Финский залив. Они же были в руках русской армии. Фактом, однако, являлось то, что крайне правые демагоги в Государственной Думе раскалялись добела от одной мысли, что граница вероломного Великого княжества под Петербургом опасна в военном отношении.

Как известно, проблема границы между независимой Финляндией и Советской Россией была разрешена в Тарту в 1920 г. — граница прошла по-прежнему по Раяйоки. Это было довольно естественно. Трудно даже вообразить, как финская земля могла быть уступлена соседу, о террористической системе государственного управления которого было хорошо известно. В 1939 г. в данном отношении это было еще более очевидным.

Есть причина снять шляпу перед проявившими реализм финскими политиками и военными, т. к., несмотря на все, они были готовы уступить Советскому Союзу как острова в Финском заливе, так и ряд участков на Перешейке. В этом заметна та линия реализма, которая, несмотря на противоположные утверждения, всегда была путеводной звездой в отношениях Финляндии и России. Другое дело, что любая разумная и приемлемая политика становится неразумной и неприемлемой, когда переходит известная граница. Эта граница, по мнению финских политиков, проходила по центру Финского залива. Появление там советских вооруженных сил, по мнению финнов, было невозможно. Нельзя было бы и говорить о сохранении финского нейтралитета, о безопасности Финляндии.

К сожалению, с точки зрения московской стратегии, это было необходимым, и, полагаясь на подавляющее превосходство в силах, советское руководство решило достичь цели без особого политеса.

Решение Советского Союза было по-своему элегантно. У соседа получали военные базы и южную часть Перешейка, а взамен дарили Восточную Карелию, т. е. создавали Великую Финляндию. Это, таким образом, не было лишь обещанием, т. к. подписывался государственный договор, который сразу же вступал в силу. Это часто забываемое обстоятельство следует подчеркнуть.

Так как финны явно опасались того, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке, они упорно отказывались от дара. Разумеется, Красная армия одержала победу, и Советский Союз получил эту территорию, но необычайно дорогой ценой. Так как кампания была очень кровопролитной, что в своем выступлении констатировал Молотов, и виной этому были финны, вопрос о линии границы был решен на совершенно иной основе. Теперь территория Финляндии не расширялась, а границу перенесли западнее, хотя и не туда, где она проходила в 1811 г. По той или иной причине на линию Кюмийоки она перенесена не была, удовлетворялись границей времен Петра Великого, с некоторыми изменениями. Иными словами, дар Александра I не был полностью отобран.

Как известно, военная база в центре Финского залива, которую в Москве и, определенно, в Ленинграде считали необходимой, когда началась война, оказалась лишенной ценности. Еще более неблагоприятной оказалась ситуация на восточной границе Финляндии, когда мстительная Финляндия в германских объятиях напала на Восточную Карелию и оккупировала соседнюю территорию, как великая держава.

Упрямая твердость Финляндии оказала на соседа воздействие, т. к., хотя в ходе войны-продолжения он нанес ей серьезные поражения, линия границы на Перешейке осталась прежней. С учетом жертв, полученные Финляндией условия считались в России неумеренно легкими. Эта оценка по-человечески понятна. Как в Финляндии, так и в Советском Союзе — как и ранее в России — говорили о «кровью выкупленной» границе. По логике варварских времен, убийство человека освящало границы. Многие, пожалуй, будут того же мнения и сегодня.

В отличие от XVIII столетия, после последних войн территория Карелии была оставлена пустой. Жители ушли в Финляндию. Лагерь беженцев не появилось, финские беженцы не остались на улице в чужой стране. В то время Финляндия заботливо отнеслась

к проблеме, она несла огромные жертвы, но без хныканья и не прося помощи.

Но всему свое время. Прошла половина столетия с того времени, как граница Петра Великого вторично была установлена, в Финляндии возникло движение, которое начинает требовать нового возвращения Карелии, на этот раз без населения. Основанием для этого удивительного требования явилось мнение, что несправедливость должна быть исправлена. Этой группе пожилых людей, по-видимому, остается непонятным, что повернуть историю назад невозможно. В истории 2000-х подобное «возвращение» повлекло бы совершенно новые практики, о которых у специалистов международного права нет представлений. Политические партии в Финляндии не вмешиваются в дело, считая его, пожалуй, безобидным, но раскрытие *Wikileaks* содержания беседы премьер-министра Путина и президента Халонен показывает, что это не так. Требование, если не само возвращение, может восприниматься очень серьезно. Это должно вызывать сожаление. События Зимней войны были трагическими, но в них есть своя величественность. В войне-продолжении будущее нашей страны было подрезано, ее независимость была снова оплачена огромными жертвами. Но ничто не вечно, однажды приобретенные лавры славы не могут сохраняться бесконечно. Величественность — суровый стилистический жанр, не терпящий ни одного ложного шага.

Имя России

Наполненные размышлениями об особости России книги стали после крушения Советского Союза выходить потоком. Дело вполне понятное, т. к. в советское время «научная» идеология объясняла эту особость России незамысловато и льстиво — тем, что страна была на острие исторического развития человечества. Ставящие Россию в центр критические размышления, разумеется, не являются сколько-нибудь новым явлением. Уже дореволюционная литература, которая сосредотачивалась на особом пути России, была огромной. Почти единственной темой российской философии всегда была Россия.

В 2008 г. в России организовали по международному образцу большую телевизионную программу «Имя России», целью которой было найти в истории страны лучше всего символизирующую Россию личность. Строго говоря, речь шла не об «одобряемом